

Жан-Люк Нанси, мыслитель сообщества

Французский философ Жан-Люк Нанси скончался 23 августа 2021 года в возрасте 81 года. Один из наиболее влиятельных последователей Деррида, Нанси остался в истории в первую очередь как мыслитель сообщества.

Нанси родился в 1940 году в Бордо, в семье военного инженера. Детство он провел в Баден-Бадене, но позже семья вернулась во Францию, в Бержерак. Нансирос в католической среде, участвовал в молодежных христианских организациях, и хотя позже отошел от католичества, он навсегда остался чуток к вопросам религии и теологии. Выпускник Сорбонны, Нанси в 1964 году уезжает в Страсбург, где — за исключением краткого периода преподавания в Кольмаре — остается до конца жизни. В Страсбурге Нанси встречает Филиппа Лаку-Лабарта, с которым у него возникает плодотворное сотрудничество. Хотя его научным руководителем был Поль Рикёр (диссертация по Канту, 1973), а впоследствии Жерар Гранель (вторая диссертация, по Хайдеггеру, 1987), Нанси обычно рассматривают как ученика и наиболее яркого последователя Жака Деррида, сумевшего применить его идеи к области социальной философии и политики. Славу Нанси принесла книга «Не-производимое сообщество» (*La Communauté désoeuvrée*), вышедшая в 1990 году. Следующим важным этапом стала книга «Бытие единичное множественное» (*Être singuler pluriel*, 1996), в которой Нанси, переосмысливая хайдеггеровское понятие «бытия-с» (*Mitsein*), предлагает свой проект социальной онтологии. В этих двух сравнительно небольших работах Нанси сформулировал тезисы о теории сообщества, которые с тех пор стали неотъемлемой частью современного интеллектуального ландшафта.

Главное достижение Нанси носит, если так можно выразиться, негативный характер. Он очень хорошо показывает, как *не следует мыслить сообщество*. Не следует мыслить сообщество, исходя из отдельных индивидов и их потребностей. При этом не столь важно, исходим ли мы из наличия самостоятельных, автономных индивидов, которые сами выбирают свои социальные связи, или же индивидов, уже вписанных в определенную социальную сеть. Напротив, сообщество — или же, как он предпочитает говорить в более поздних работах, — *бытие-вместе* (*être en commun*) и есть то, из чего следует исходить, если мы хотим схватить сущность человеческого. Мы *всегда уже* вместе с другими, и эта принадлежность бытию-вместе, эта «онтологическая социальность» лежит в основе принадлежности к любому конкретному сообществу. Таким образом, принадлежность к сообществу укоренена не в разделенной идентичности, не в разделенном нарративе, не

в общей судьбе; напротив, идентичность, история, судьба могут стать общими только благодаря этой онтологической социальности.

Одним из следствий этого тезиса является невозможность определить сообщество, исходя из противопоставления неких «нас» — «им», от нас отличным. Все попытки ввести внешние, эссециалистские критерии для принадлежности к сообществу — будь то кровь, почва, судьба, моральные нормы — несостоятельны, и главное, в современном мире они больше не работают. Как же перейти к мышлению сообщества, которое не базировалось бы на мифе об утраченном сообществе, на еще одной версии *Verfallsgeschichte*? Хотя со временем Руссо мышление сообщества было подчинено мечте о сообществе, христианском по своей сути, сформированном исходя из причастности к единому мистическому телу, сообществе, в котором социальные связи гарантировались высшим существом, но, как показывает Нанси, возвращение к этому утраченному сообществу не только нежелательно, но и невозможно. Мы должны научиться мыслить сообщество иначе, другого выхода у нас просто нет.

Однако интеллектуальный императив, требующий, чтобы мы начинали не с индивида, а с сообщества, не следует смешивать с тезисом, согласно которому мы можем начать с некоторой целостности: нации, народа, империи и так далее. Нельзя мыслить сообщество исходя из самозамкнутого субъекта, из индивида, обладающего определенной идентичностью или же, наоборот, такую идентичность ищущего; но также нельзя мыслить бытие-вместе, исходя из какой бы то ни было коллективной общности. Сообщество, пережившее прерывание мифа, лежавшего в его основе, не производит не только идентичность индивида, оно не производит и коллективной идентичности.

Однако непроизводительность сообщества не есть его бездействие. В сообществе нечто случается — и то, что случается, Нанси называет «со-явлением сингулярностей» и «разделенностью смысла». Эти технические термины служат Нанси для того, чтобы создать новый концептуальный язык для описания плуральности существования. Со-явление (*comparution*) — это не просто явление вместе; это явление, в котором явленность неотделима от совместности; в со-явленности состоит наш экзистенциальный удел как сингулярных существ, которые всегда уже вместе. Но если для Ханны Арендт таким местом взаимного явления существ было политическое пространство как противопоставленное частному или полуприватному, то Нанси видит в этой со-явленности своего рода трансцендентальное условие возможности политического. Для него со-явление связано не с поступком, как это было у Арендт, но относится к исходной ситуации человеческого сущего как сингулярного существа. «Сингулярный» для Нанси — это не обособленный, но, напротив, каждый — каждый из *нас*, взятый одновременно и в своей уникальности, и в своей исходной связности со всеми другими: сингулярность уже предполагает некое *мы*, некую исходную плуральность уникальных существ, которые делят бытие с другими, которые являются себя другим и вместе с другими, и которые делят с другими смысл. Смысл, логос всегда предполагает разде-

ленность, а разделенность — это всегда разделенность смысла, настаивает Нанси. Как у позднего Гуссерля, каждый из нас есть исток мира и исток смысла, однако этот смысл не может быть *только моим*. Разделенность — это не взаимообмен, как и со-явленность — не спектакль. Разделенность предполагает и единство, и такое разделение на части, в котором нет раздробленности. Именно поэтому со-явление происходит в языке, в котором мы делимся смыслом, не отчуждая его.

Способ мыслить сообщество, который нам предлагает Нанси, не сводится к констатации, в нем безусловно присутствует и нормативная составляющая: сообщество есть определенный *этос*. Новому способу мышления сообщества соответствует и новое политическое мышление, которое должно отойти от устаревших моделей, ставящих в центр идентичность того или иного толка. Плюральность сообщества, построенного на бытии-вместе, а не на эссенциалистской модели, противостоит любым способам его понятийной фиксации. В то же время Нанси не дает обществу рецептов, как ему жить: его задача как философа состоит скорее в том, чтобы указать на фундаментальные аспекты человеческого бытия, которые лежат в основе любых конкретных форм политического сосуществования. В недавней полемике с Джорджо Агамбеном о коронавирусе и биополитике Нанси занял куда более выдержанную позицию, чем Агамбен, его «старый друг». Во-первых, сам термин «биополитика» кажется Нанси малоприменимым к сложившейся ситуации. Напротив, физическая самоизоляция каждого парадоксальным образом оказывается тем способом, которым мы можем ощутить свою принадлежность к сообществу, реализовать свою солидарность и заботу о других. Во-вторых, хотя Нанси и согласен с Агамбеном в том, что ситуация пандемии привела к чрезвычайному положению, однако с его точки зрения чрезвычайные положения стали правилом в результате прогресса технической цивилизации, а не в результате пандемии: пандемия послужила увеличительным стеклом, позволившим нам четче увидеть уже имеющиеся в обществе проблемы.

Значение Нанси как философа не исчерпывается его анализом политической проблематики. Нанси широко известен как теоретик литературы и кино, тонкий знаток немецкого романтизма. Его ранняя работа «Литературный абсолют: теория литературы немецкого романтизма» (1978, в соавторстве с Ф. Лаку-Лабартом), посвященная деятельности братьев Шлегелей, выявляет неразрывность литературы и ее критического самоосмыслиения. Многообразное наследие Нанси убедительно показывает, что политическое не исчерпывает социальное, что без искусства, литературы, науки, любви, наконец, человеческое бытие-вместе столько же неполно, сколь и без своей политической составляющей.

Анна Ямпольская

Важнейшие работы Ж.-Л. Нанси

La titre de la lettre. Р.: Galilée, 1973 (совместно с Ф. Лаку-Лабартом).

L'absolu littéraire: théorie de la littérature du romantisme allemand. Р.: Seuil, 1978 (совместно с Ф. Лаку-Лабартом).

Le partage des voix. Р.: Galilée, 1982.

La communauté désoeuvrée. Р.: Christian Bourgois, 1983.

L'expérience de la liberté. Р.: Galilée, 1988.

Corpus. Р.: Métailié, 1992.

Le sens du monde. Р.: Galilée, 1993.

Être singulier pluriel. Р.: Galilée, 1996.

Hegel: l'inquiétude du négatif. Р.: Hachette, 1997.

L'Intrus. Р.: Galilée, 2000.

Русские переводы Ж.-Л. Нанси

Corpus / Пер. с фр. Е. Петровской и Е. Гальцовой. М.: Ad Marginem, 1999.

Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В. В. Фурс под ред. Т. В. Щитцовой.
Минск: И. Логвинов, 2004.

Непроизводимое сообщество / Пер. с фр. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2009.